

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА

УДК 811.161.1'42
ББК 81

В.А. Маслова
Valentina A. Maslova

**Языковая личность и речевой портрет: теория и ее преломление
в модели региональной личности поэта**

**Linguistic personality and speech portrait: the theory and its refraction
in the model of the regional poet's personality**

Аннотация: В статье дифференцируются понятия «языковая личность» и «речевой портрет», создается модель анализа речевого портрета по трем параметрам и анализируется стихотворение молодой витебской поэтессы Е. Криклевец, на материале которого демонстрируется эффективность анализа речевого портрета современного поэта.

Ключевые слова: личность; языковая личность; речевой портрет; модель.

Abstract: The article deals with the differentiation of the «linguistic personality» and «speech portrait» concepts, it describes the model of the analysis of the speech portrait created using three parameters. The article contains analysis of a poem by a young Vitebsk poetess E. Kriklivets, on the basis of the material the efficiency of the analysis of a modern poet's speech portrait is demonstrated.

Keywords: personality; linguistic personality; speech portrait; model.

Личность является объектом изучения многих наук – философии, социологии, психологии, лингвистики, этики, эстетики, педагогики и др. У каждой из названных наук – свои интересы, исследуются свои аспекты личности, используются свои методы и приемы исследования. Анализ литературы по проблеме личности позволил выявить несколько различных пониманий личности, которые возникли в разных науках.

Сам термин «личность» представляет собой перевод латинского слова *persona* –

маска актера. Лексема *личность* встречается с XV века; *лицо* в деловых документах используется в значении 'отдельный человек ответственный за свои поступки перед законом' – *важное лицо, ответственные лица*. С XVII века используется слово *личина* = *маска, актерская харя* [Колесов, 1986].

Наиболее широко в лингвистике используется понятие *языковая личность*, первое обращение к которой связано с именем немецкого ученого Л. Вейсгербера (*Sprachliche Personlichkeit*). Хотя *личность* исследуется целым рядом наук, наилучших результатов достигли именно лингвисты.

В отличие от психологии, где в центре внимания чаще находятся эмоционально-волеутативные проявления личности, ее социальные характеристики и структура; в отличие от философии, где систематизируются свойства личности, позволяющие охарактеризовать ее как языковую, правовую и др., лингвистов интересуют интеллектуальные, когнитивные, коммуникативные характеристики индивида, имеющие языковое выражение.

В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В. Виноградов, который наметил два пути изучения языковой личности – личность автора и личность персонажа [Виноградов, 1959]; о говорящей личности писал А.А. Леонтьев [Леонтьев, 1977, с. 228]. Концепцию языковой личности начал разрабатывать Г.И. Богин, ему принадлежит первая дефиниция и первая модель языковой личности, под которой он понимал человека «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1984, с. 4].

В широкий научный обиход данную концепцию ввел Ю.Н. Караулов, который считал, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989, с. 6]. В концепциях языковой личности других авторов в модифицированном виде представлена именно данная концепция.

Сравнительно неплохо исследованы следующие виды языковой личности: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б. Сиротина, Т.В. Кочеткова), семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), речевая личность (Г.И. Богин, А.А. Леонтьев, В.В. Красных, В.И. Кодухов); языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная языковая личность (В.И. Карасик), эмоциональная языко-

вая личность (В.И. Шаховский), коммуникативная личность (К.Ф. Седов, С.А. Сухих, В.В. Красных, В.Н. Конецкая, В.И. Кодухов и др.); риторическая личность (А.А. Ворожбитова, Г.М. Сагач, Л.Н. Колесникова), когнитивный аспект языковой личности (А.П. Бабушкин, В.В. Красных), языковая личность в аспекте культурного пространства (В.И. Карасик, В.В. Колесов) и т.д. См. обзор позиций различных авторов в работе И.В. Башковой [Башкова, 2011].

Вместе с этим термином возник целый ряд пересекающихся и частично налагающихся друг на друга – «речевая личность», «коммуникативная личность», «речевой портрет». К.Ф. Седов считает, что при обилии синонимических обозначений лучше будет пожертвовать терминами «языковая, речевая, коммуникативная личность» и отказаться от их использования. Гораздо больше соответствуют русскому языку, как считает автор, номинации «речевой портрет личности», «коммуникативная (жанровая, текстовая, статусно-ролевая и т.д.) компетенция личности», «коммуникативное поведение личности» и т.п. [Седов, 1996, с. 8].

В большинстве известных нам концепций языковая личность – это «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [Клобукова, 1995, с. 323]. Ю.Е. Прохоров уточняет: «Если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [Прохоров, 1996, с. 59].

Для нашего исследования мы используем понятие «лингвокультурная личность» в ее национально-региональном аспекте. Региональная языковая личность представлена речевым портретом поэта Витебщины. Это социальное явление, но здесь есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства общества, т.е. такая личность формируется в определенной системе координат, которая задается существующими у нее ценностями, образцами социального поведения, особенностями восприятия мира.

Каждая языковая личность одновременно и культурная личность, ибо язык репрезентирует культурно-национальную ментальность его носителей [Маслова, 2001, с. 29]. Культурная информация имеет по преимуществу имплицитный характер, так как скрывается за языковыми значениями. Приобщение человека к культуре происходит исключительно путем присвоения им «чужих» текстов.

Теперь попытаемся разобраться с термином *языковой (речевой, коммуникатив-*

вный) портрет личности. Понятие языкового портрета введено Л.П. Крысиным и представлено описанием типичного современного русского интеллигента на вербальном и прагматическом уровнях [Крысин, 2001, с. 100–104]. Идеи ученого привлекли внимание многих исследователей.

Т.В. Кочеткова создает языковой портрет врача-педагога К.И. Бендера [Кочеткова, 1999], И.И. Ковтунова – языковой портрет Анны Ахматовой на материале поэтических текстов [Ковтунова, 2002]. Материалом докторского исследования А.Б. Бушева послужил языковой портрет профессионального переводчика [Бушев, 2010]. Н.Н. Рябикина исследует языковой портрет И.А. Бунина [Рябикина, 2006, с. 95]. Л.Н. Колесникова создает портрет преподавателя вуза [Колесникова, 2017] и т.д. Появились учебные пособия по созданию языкового портрета [Жаналина, 2010].

Представленные исследования языкового (речевого) портрета используют в основном два уровня из трех, предложенных Ю.Н. Карауловым при описании языковой личности.

Итак, языковой (речевой, коммуникативный) портрет – это зафиксированное в языке мировоззрение поэта (или другой креативной личности), несущее информацию об оценках реального мира, жизненных установках, ценностях и идеалах. Основой языкового портрета является самоидентификация поэта плюс особенности авторского мировидения, воплощенный в языковых средствах.

Таким образом, когда речь идет об обычном, рядовом и обобщенном жителе региона (школьнике, студенте), мы используем термин языковая личность, а когда описываем креативную и индивидуальную личность поэта, то – языковой (речевой) портрет.

Современные исследователи выделяют параметры, по которым производится анализ модели языкового портрета: лексикон языковой личности – отражает владение лексико-грамматическим фондом языка (запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность); тезаурус – репрезентирует языковую картину мира (использование разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые делают личность узнаваемой); прагматикон (система мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации).

Предлагаемая нами модель и модель, например, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, незначительно отличающиеся между собой, – это модификации модели Ю.Н. Караулова.

С учетом всех компонентов когнитивно-прагматического анализа поэзии мы пред-

лагаем следующую многоступенчатую структуру языкового портрета:

1) *Социокультурный аспект* – учитывает социальную информацию (возраст, среда проживания, профессия), культурные ориентиры, информацию об интеллектуальном развитии (широта и глубина обсуждаемых проблем и т.д.), личностные ориентиры в мире.

2) *Вербальный аспект* – содержит анализ языковых средств, используемых личностью, прежде всего – лексических;

3) *Прагматический аспект* – анализ концептуального видения отношения человека к миру, репрезентированному в языке.

Покажем это на примере анализа стихотворения молодой витебской поэтессы Е. Криклевец «Скромный дворик живет, как и прежде...»:

*Скромный дворик живет, как и прежде:
лай собачий и шум тополей...
Но знакомых встречаю все реже
И уже не считаюсь «своей».*

*Только помнит скамейка кривая
и зеленый соседский балкон,
как смеялась я, в куклы играя,
или злилась на что-то тайком.*

*И, быть может, порой обижала
ту, которой надежнее нет.
А она как ни в чем не бывало
из окошка звала на обед.*

*Принимая из теплых ладоней
необъятную миску борща,
я тогда в этом стареньком доме
научилась любить и прощать.*

Данное стихотворение вошло в первый поэтический сборник поэта – «На грани света», вышедший в 2008 году. Заголовок у произведения отсутствует. Учитывая, что важнейшей задачей заголовка является привлечение внимания читателя, можно предположить, что его отсутствием Е.В. Криклевец хотела показать: стихотворение самодостаточно и не нуждается в ярких заголовках, а нужно перенести внимание читателя на сам текст, подчеркнуть особую значимость того, о чем говорится в стихотворении.

Произведение состоит из четырех катренов с перекрестной рифмой (*абаб*). В качестве стихотворного размера автор выбрала анапест. Полнота рифм и четкий стихотворный ритм стихотворения придают ему особую музыкальность, напевность при кажущейся простоте формы.

Стихотворение на первый взгляд не кажется сложным. Здесь нет необычных слов, громоздких витиеватых фраз, ярких метафор. Но именно эта простота придает ему очаровательную задумчивость. Однако это не просто картинка из детства. Лирическая героиня не говорит о том, что побудило ее на самом деле снова вернуться душой в свой дворик, самое сокровенное она так и не решается высказать в стихотворении. И это характерная черта речевого портрета автора.

Произведение можно отнести к интимной лирике. Оно пронизано светлой, едва уловимой грустью, которая с течением стиха дополняется различными эмоциональными оттенками. Лирическая героиня, глядя на свой родной *скромный дворик*, окунается в воспоминания из детства, и каждая деталь в этом дворе напоминает ей о чем-то родном, но уже далеком: ведь она здесь «уже не считается своей», многие знакомые, так же, как и она, уже покинули этот дом. Разные эмоции сопровождают мысли героини: здесь и ностальгия, и сожаление о том, что все уже не так, как прежде: *Но знакомых встречаю все реже / И уже не считаюсь «своей»*, горечь от того, что некоторые вещи уже нельзя исправить – *И, быть может, порой обижала / Ту, которой надежнее нет ...*, и в конце, все-таки, тихая благодарность за то, что было прожито ею здесь, что именно – *в этом стареньком доме / Научилась прощать и любить*. Это и есть *прагматический аспект* речевого портрета поэта.

Можно сказать, что речевое поведение лирической героини интровертировано: она уходит в свои переживания, концентрируется на собственных ощущениях и воспоминаниях, причем заметно, что чувственная память у нее сильнее и важнее предметной: при описании воспоминаний используется много глаголов, обозначающих эмоционально-чувственное восприятие – *смеялась, злилась, обижала, любить, прощать*. На интровертированный тип личности лингвистически указывает также неоднократное употребление местоимения *я* и глаголов в форме первого лица: *встречаю, считаюсь, смеялась* и т.д. Довольно много глаголов в форме прошедшего времени, что свидетельствует о ретроспекции, т.е. обращении к событиям прошлого, в данном случае – собственного детства. Еще с точки зрения грамматики можно отметить обилие частиц (*только, и*), которые начинают предложения, а также самих союзов (*но, а*). Они делают текст более эмоциональным, с одной стороны, и усиливают смысловую противопоставленность явлений (дворик старый, но все «чужие»; маму обижает, а она не обижается на

свое дитя), с другой. Среди тропов, используемых в данном стихотворении, преобладают эпитеты (*скромный дворик, скамейка кривая, соседский балкон, необъятная миска*). Приемы фонетической поэтики почти не используются, единственное, что можно выделить, – это аллитерация (*л, т*) и ассонанс (*о, и*). Повторение этих звуков дает возможность передать светлую грусть, проходящую через все стихотворение. Названные языковые средства помогают автору создать, а нам почувствовать атмосферу тепла родного места, где тебя всегда любят и ждут, где прощают обиды. Все это помогает человеку стать настоящим. Так представлен в стихотворении *вербальный аспект* речевого портрета.

Художественное пространство стихотворения замкнуто. О мире, существующем за пределами двора и старого родного дома, ничего не говорится. Обстановка в художественном пространстве произведения статична, она почти не изменилась со временем, на что могут указывать такие детали, как *скамейка кривая; зеленый соседский балкон; лай собачий и шум тополей*. Время ретроспективно, автор обращается к событиям прошлого, когда она *смеялась <...> в куклы играя*. Сюжета в стихотворении как такового нет, мы видим лишь отдельно взятую из прошлого ситуацию. Произведение наполнено образами и художественными деталями, центральным из которых является образ дома. Он незримо проходит через все стихотворение, ассоциируясь с образом матери, хотя ее даже не называют – *та, которой надежнее нет*. Дом выступает как место, где героине было хорошо, уютно, где понимают, умеют *любить и прощать*. Однако после прочтения остается впечатление, что образ матери более значим в стихотворении, и именно он уже определяет собой характеристику других деталей. Героиня с сожалением говорит о том, что порой могла и обидеть мать, хотя и не с умыслом, как бывает с детьми, и между строк звучит безмолвное «прости» и благодарность за то, что именно она научила ее *любить и прощать*. Это *социокультурный* аспект речевого портрета.

В стихотворении отражается языковой и жизненный опыт личности автора, а не лирического героя. В силу этого считаем возможным изучение языковой личности поэта и создание его языкового портрета. Предметом научного интереса может быть каждый из аспектов речевого портрета, например, отраженный в языке поэта словарь его эпохи, фиксация развития литературного языка в данный период, проблема формирования индивидуального словаря, развития творческого мастерства поэта, и, самое главное, – индивидуальная лексико-стилистическая организация речи.

Таким образом, речевой портрет Е. Криклевец, составленный по одному из лучших ее стихотворений, позволяет выявить и социокультурный (*витебский*

дворик, кривая скамейка), и вербальный (обилие глаголов, эпитетов и т.д.), и прагматический аспекты (смеялась, злилась, обижала, любить и прощать). Отмеченные аспекты дополняют друг друга, пересекаются, смешиваются, но наличие их в структуре речевого портрета творческой личности обязательны.

Библиографический список

- Башкова И.В.* Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет. – 2011. – 472 с.
- Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Л. – 1984. – 383 с.
- Бушев А.Б.* Русская языковая личность профессионального переводчика: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М. – 2008.
- Виноградов В.В.* История слов. – М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. – 1959. – 1142 с.
- Жаналина Л.К.* Язык современной науки: Языковые портреты: учебное пособие. – Алматы. – 2010. – С. 3–117.
- Караулов Ю. Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность: сборник статей / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука. – 1989. – С. 3–8.
- Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная конференция, посвященная 100-летию академика В.В. Виноградова: тезисы докладов. – М. – 1995. – С. 321–323.
- Ковтунова И.И.* Языковые портреты русских поэтов. Анна Ахматова // Русский язык: приложение к газете «Первое сентября». – 2002. – № 17. – 2002.
- Колесникова Л.Н.* Русская риторическая личность преподавателя вуза и ее роль в академическом межкультурном пространстве: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М. – 2017.
- Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: ЛГУ. – 1986. – 312 с.
- Кочеткова Т.В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов. – 1999.
- Крысин Л.П.* Современный русский интеллигент: Попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры. – 2001. – № 1. – С. 90–106.
- Леонтьев А.А.* Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Московский университет. – 1977. – 228 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия. – 2001. – 208 с.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. – М. – 1996. – 325 с.
- Рябикина Н.* Языковой портрет русского человека в прозе И.А. Бунина: трагизм контрастов и противоречий // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – М.: Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова. – 2006. – С. 93–97.
- Седов К.Ф.* Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Вып. 26. – Саратов: Саратовский университет. – 1996. – С. 8–14.

References

- Bashkova I.V.* Izuchenie jazykovoj lichnosti v sovremennoj rossijskoj lingvistike: monografija. – Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj universitet. – 2011. – 472 s.
- Bogin G.I.* Model' jazykovoj lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov. – L. – 1984. – 383 s.
- Bushev A.B.* Russkaja jazykovaja lichnost' professional'nogo perevodchika: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – M. – 2008.

Karaulov Ju. N. Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ee izuchenija // Jazyk i lichnost': sbornik statej / otv. red. D. N. Shmelev. – M.: Nauka. – 1989. – S. 3–8.

Klobukova L.P. Fenomen jazykovej lichnosti v svete lingvodidaktiki // Mezhdunarodnaja jubilejnaja konferencija, posvjashhennaja 100-letiju akademika V.V. Vinogradova: tezisy докладов. – M. – 1995. – S. 321–323.

Kochetkova T.V. Jazykovaja lichnost' nositelja jelitarnoj rechevoj kul'tury: avtoref. diss. ... d-ra filol nauk. – Saratov. – 1999.

Kolesnikova L.N. Russkaja ritoricheskaja lichnost' prepodavatelja vuza i ee rol' v akademicheskom mezhkul'turnom prostranstve: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. – M. – 2017.

Kolesov V.V. Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi. – L.: LGU. – 1986. – 312 s.

Kovtunova I.I. Jazykovye portrety russkih pojetov. Anna Ahmatova // Russkij jazyk: prilozhenie k gazete «Pervoe sentjabrja». – 2002. – № 17. – 2002.

Krysin L.P. Sovremennyj russkij intelligent: Popytka rechevogo portreta // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. – 2001. – № 1. – S. 90–106.

Leont'ev A.A. Slovar' associativnyh norm russkogo jazyka. – M.: Moskovskij universitet. – 1977. – 228 s.

Maslova V.A. Lingvokul'turologija. – M.: Akademija. – 2001. – 208 s.

Prohorov Ju.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' pri obuchenii russkomu jazyku inostrancev. – M. – 1996. – 325 s.

Rjabikina N. Jazykovej portret russkogo cheloveka v proze I.A. Bunina: tragizm kontrastov i protivorechij // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela. – M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet pečati imeni Ivana Fedorova. – 2006. – S. 93–97.

Sedov K.F. Tipy jazykovykh lichnostej i strategii rechevogo povedenija (o ritorike bytovogo konflikta) // Voprosy stilistiki. Jazyk i chelovek. – Vyp. 26. – Saratov: Saratovskij universitet. – 1996. – S.8–14.

Vinogradov V.V. Istorija slov. – M.: Institut russkogo jazyka imeni V.V. Vinogradova RAN. – 1959. – 1142 s.

Zhanalina L.K. Jazyk sovremennoj nauki: Jazykovye portrety: uchebnoe posobie. – Almaty. – 2010. – S. 3–117.

УДК 81

ББК 80/81/83

А.Г. Лошаков

Alexandr G. Loshakov

Трансгрессия как принцип организации семантического пространства сверхтекста

Transgression as a principle of organization of semantic space of an overtext

Аннотация: В статье рассматриваются категориальные признаки сверхтекста как единицы национального унитекста. Основное внимание уделяется понятию трансгрессивности как способности текстов и сверхтекстов выходить за пределы собственной смысловой автономности, вызывать направленную смысловую актуализацию, интенсифицировать процессы ассоциирования, имплицирования, метафоризации, метонимизации, семантической и смысловой диффузии.

Ключевые слова: Сверхтекст; унитекст; трансгрессия; Г.В. Адамович; Пушкинский текст; Северный текст; Богородничный текст.

Abstract: The article deals with categorial signs of an overtext as a unit of a national unitext. The attention is paid mostly to the notion of transgression as a possibility of texts and overttexts to break

© А.Г. Лошаков, 2017